

DOI: 10.31857/S013038640018567-1

© 2022 г. Д.А. ФИЛИПШОВ

ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ЯПОНИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: 2001–2012 годы

Филиппов Дмитрий Александрович – PhD, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (Москва, Россия).

E-mail: fli-dmitrij@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9307-8584

Аннотация. В первом десятилетии XXI в. в восточноазиатской политике Японии появился ряд новых стратегий и инициатив. Двумя ключевыми стали Восточноазиатское сообщество и Дуга свободы и процветания, которые отражали два различных подхода Японии к роли Китая в складывающемся региональном порядке. Целью данной статьи является анализ идеологических основ этих стратегий, а также причин их неудач. Рассматривается вопрос частой смены внешнеполитических инициатив в Японии в эти годы. Наконец, внимание уделяется изменениям в статусе японо-китайских отношений, представляющих ключевую переменную в развитии восточноазиатской политики Японии. Хотя в русскоязычной научной литературе восточноазиатская политика Японии данного периода хорошо изучена, большинство исследований касается политики конкретных премьер-министров, при этом в них азиатская дипломатия рассматривается, как правило, лишь в рамках внешней политики в целом. Между тем более динамичный анализ развития региональной стратегии Японии почти отсутствует, и именно эту лакуну и может заполнить данная статья. Основываясь на анализе как японских правительственных документов, так и широкого спектра исследований японской внешней политики российских и зарубежных ученых от монографий и научных журналов до онлайн-публикаций, статья представляет эволюцию стратегии Японии в Восточной Азии как соперничество двух внешнеполитических инициатив – Восточноазиатского сообщества и Дуги свободы и процветания. В статье подчеркивается фактор личных взглядов и убеждений премьер-министров, который оказывал значительное влияние на построение той или иной стратегии.

Автор приходит к выводу, что вышеупомянутые стратегии базировались на разных политических философиях: если Восточноазиатское сообщество ставит целью интеграцию в Восточной Азии на основе общих с Китаем экономических интересов, то Дуга свободы и процветания отдает приоритет развитию отношений со странами, разделяющими с Японией демократические ценности, и исключает из их числа Китай. При этом именно отношения Японии с Китаем являлись, пожалуй, главной причиной, почему ни та, ни другая стратегия не достигла в этот период успеха: или они считались в Японии слишком значимыми для экономики страны, что не позволяло отказываться от сотрудничества с Китаем, или в них появлялось такое напряжение, в условиях которого дальнейшее развитие экономических связей становилось невозможным.

Ключевые слова: Япония, Китай, Восточная Азия, внешняя политика, внешнеэкономическая политика, Восточноазиатское сообщество, Дуга свободы и процветания, Юкио Хатояма, Синдзо Абэ.

D.A. Filippov

The Origins of Japan's Contemporary Diplomatic Strategy in East Asia: 2001–2012

Dmitry Filippov, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: fili-dmitrij@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9307-8584

Abstract. Throughout the first decade of the twenty-first century, Japan's East Asia policy saw the emergence of several new strategies and initiatives. The two key strategies of this period were the East Asian Community and the Arc of Freedom and Prosperity, which reflected differing approaches towards the role of China in the developing regional order. The goal of this article is to analyse the ideological foundations of these two strategies, as well as the reasons behind their failure. It also examines the question of why Japan's diplomatic initiatives changed so rapidly during these years. Finally, the article looks at the shifts in Sino-Japanese relations which represent a key variable in the evolution of Japan's East Asia policy. While Japan's East Asian policy of this period is well researched in Russian academic literature, the majority of studies examine the policies of specific prime ministers, with Asian diplomacy typically viewed within the framework of foreign policy in general. Meanwhile, a more dynamic analysis of the development of Japan's regional strategy is lacking, and it is this gap that this article attempts to fill. Based on the analysis of Japanese government documents, as well as a wide range of studies of Japan's foreign policy by Russian and foreign scholars, from monographs and academic journals to online outlets, it presents the evolution of Japan's strategy in East Asia as a competition between two foreign policy initiatives, the East Asian Community and the Arc of Freedom and Prosperity. The article also highlights the prime ministers' personal views and beliefs, which had a significant effect on creating a particular strategy. The article concludes that the two aforementioned strategies were underpinned by different political philosophies, with the East Asian Community aiming to accelerate East Asian integration based on common economic interests and embracing China, while the Arc of Freedom and Prosperity prioritised relations with countries sharing Japan's democratic values and viewed China as a regional outsider. It was precisely Sino-Japanese ties, however, that were perhaps the biggest reason why neither strategy achieved much success at the time; either Japan considered the bilateral relations too economically beneficial to deliberately alienate China, or they suffered from too much tension which precluded further development of economic relations.

Keywords: Japan, China, East Asia, foreign policy, foreign economic policy, East Asian Community, Arc of Freedom and Prosperity, Yukio Hatoyama, Shinzo Abe.

Восточная Азия и в более широком смысле Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) традиционно представляли одно из основных направлений для послевоенной дипломатии Японии. Премьер-министр Нобусукэ Киси сформулировал три принципа японской внешней политики, которые были закреплены в первой «Синей книге» японского Министерства иностранных дел, изданной в 1957 г.: ориентация на ООН, сотрудничество со свободными государствами и поддержание статуса Японии как восточноазиатской нации¹. Краеугольным камнем послевоенной дипломатии Японии являлось сотрудничество со свободными государствами, т.е. в первую очередь с США². Последующие премьер-министры руководствовались всеми тремя вышеуказанными принципами, хотя и делали акцент на том или ином векторе дипломатии. В течение 2000–2010 гг. в Японии появился ряд новых концепций и инициатив, определяющих внешнеполитические

¹ *Гаймусё*. Вага гайко: но кинкё (Министерство иностранных дел Японии. Обзор дипломатии). Токио, 1957.

² *Макото И.* Нихон гайко: годзю нэн (Пятьдесят лет японской дипломатии) // Кокусай мондай (Международные проблемы). № 500. С. 20.

приоритеты страны в Восточной Азии.

Неотъемлемой и, пожалуй, ключевой частью всех восточноазиатских стратегий Японии был Китай. Задача каждой администрации Японии состояла в выработке такой стратегии, которая бы соблюдала баланс между китайским (и в целом восточноазиатским) и американским векторами японской дипломатии, не ставила бы Японию в слишком сильную зависимость от США и Китая³. С момента нормализации японо-китайских отношений в 1978 г. Токио стремился помочь Китаю стать экономически процветающим, политически стабильным и дружественным Японии.

В целом для японо-китайских отношений после окончания холодной войны было свойственно цикличное развитие, характеризующееся либо конфликтом, либо примирением. Так, позитивная динамика двусторонних связей, заданная при премьер-министрах Тосики Кайфу и Морихиро Хосокава в начале 1990-х годов, закончилась при правительстве Рютаро Хасимото в связи с кризисом в Тайваньском проливе в 1995–1996 гг. Хасимото, впрочем, удалось наладить отношения с Китаем, и они оставались стабильны при двух последующих премьер-министрах, Кэйдзо Обути и Ёсиро Мори.

В то же время к началу 2000-х годов в Японии укрепились опасения относительно военной политики Пекина: в 2001 г. американский и китайский истребители столкнулись над провинцией Хайнань, а начиная с середины первого десятилетия XXI в. китайские суда стали регулярно входить в территориальные воды Японии в Восточно-Китайском море. Одновременно с этим традиционные экономические рычаги давления Японии на Китай слабели по мере стремительного экономического роста Пекина, что также заставляло японскую политическую элиту задумываться о новой стратегии по отношению к Китаю и Восточной Азии в целом. В результате к началу 2000-х годов внутри правящей Либерально-демократической партии Японии (ЛДП) усилилось ее ревизионистское крыло, представители которого придерживались неоконсервативных взглядов, подчеркивали идеологические и политические отличия между Японией и Китаем и воспринимали экономическое и военное усиление Китая с опаской⁴. В отличие от традиционных правых политиков японский неоконсерватизм возник как реакция на послевоенную либерализацию и демилитаризацию Японии.

Одновременно с этим усиление экономической и военной мощи Китая привело к его соперничеству с США, которые до этого времени считались единственным «полюсом» в Восточной Азии. Несмотря на экономическое взаимопроникновение двух стран, начало XXI в. было ознаменовано обострением американско-китайских отношений, а рост Китая стал восприниматься в США как «фундаментальный вызов»⁵. Если при Билле Клинтоне США хотели построить конструктивное стратегическое партнерство с Китаем, то администрация Джорджа Буша-младшего стала называть его стратегическим конкурентом. Нарастание американско-китайского противостояния обусловило и усиление стратегического сотрудничества США с Японией, являющейся главным американским союзником в Восточной Азии и все больше рассматривающей Китай как регионального соперника.

Именно на основе изменения восприятия Китая Японией, наряду с личными взглядами премьер-министров, и формировались инициативы и стратегии для Восточной Азии и АТР, которые Токио выстраивал, модифицировал или отклонял. Эти стратегии, предложенные в 2000–2010 гг., отличаются наличием или отсутствием в них

³ *Samuels R.* Securing Japan: Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. New York, 2007. P. 9.

⁴ *Takahashi T.* Japanese neoconservatism: Coping with China and North Korea // *Security Challenges*. 2010. № 6 (3). P. 26.

⁵ *Стрельцов Д.В.* Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 2015. С. 51.

китайского фактора⁶. Если один подход подразумевает отношение к Китаю как к равному игроку на международной арене и стратегическому партнеру Японии, то другой воспринимает Китай как аутсайдера и способствует формированию такого регионального международного порядка, куда он либо не входит, либо присутствует в качестве державы второго звена. Подобная дихотомия была отражена и в двух основных региональных стратегиях этого периода – Восточноазиатском сообществе и Дуге свободы и процветания, которые имели разную идеологическую основу, но обладали и общими элементами.

При премьер-министре Дзюньитиро Коидзуми (2001–2006 г.), являвшемся одним из главных представителей ревизионистов в ЛДП, японо-американские отношения были как никогда тесными благодаря проамериканскому курсу и безоговорочной поддержке «войны против терроризма», проводимой Джорджем Бушем-младшим, прежде всего войны в Ираке. Из-за этого отношения Японии с Китаем ухудшились настолько, что нередко их называют «ледниковым периодом»⁷. Следует отметить, что Пекин очень раздражали регулярные посещения Коидзуми синтоистского святилища Ясукуни, где почитают души воинов, погибших в войнах японской империи; в Китае и Южной Корее оно воспринимается как символ японского милитаризма.

Несмотря на то, что правительство Коидзуми уделяло намного больше внимания отношениям с США, именно при нем была сформулирована новая региональная инициатива – Восточноазиатское сообщество, автором которой выступал заместитель министра иностранных дел Хитоси Танака. О ней впервые заявил Коидзуми в 2002 г. в Сингапуре⁸. Она основывалась как на восточноазиатском регионализме – сближении со все более взаимозависимыми государствами региона – членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), а также Китаем и Южной Кореей, – так и на более тесном сотрудничестве Японии с Австралией и Новой Зеландией. Именно страны АСЕАН должны были, по замыслу как Японии, так и Китая, возглавлять Восточноазиатское сообщество, поскольку лидирующая роль Японии вызвала бы неодобрение со стороны Китая, и наоборот⁹. Включение в гипотетическое сообщество Австралии и Новой Зеландии было обусловлено стратегическим расчетом. Япония полагала, что страны АСЕАН еще недостаточно развиты с экономической точки зрения, а их демократический статус слишком шаток, поэтому ей понадобится поддержка других либеральных демократий. Кроме того, Япония таким образом соблюдала баланс в своей внешней политике, с одной стороны, развивая отношения с усиливающимся Китаем, а с другой – укрепляя связи с Австралией и Новой Зеландией, придерживающимися общих ценностей с Японией.

Впрочем, к моменту отставки Коидзуми в 2006 г. реализация идеи Восточноазиатского сообщества зашла в тупик в связи с ухудшением японо-китайских и японо-корейских отношений: Япония активно добивалась статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН, против чего выступали Пекин и Сеул. В результате новому правительству во главе с протее Коидзуми Синдзо Абэ понадобилось разработать новую региональную стратегию.

Стоит отметить, что в период между отставкой Коидзуми в сентябре 2006 г. и возвращением Абэ на должность премьер-министра в декабре 2012 г. японскую внутреннюю политику характеризовали нестабильность и частая смена правительств. За эти шесть лет в Японии было 6 премьер-министров, 12 министров иностранных дел

⁶ *Hosoya Y.* Japan's Two Strategies for East Asia: The Evolution of Japan's Diplomatic Strategy // *Asia-Pacific Review*. 2013. № 20 (2). P. 154.

⁷ *Swanström N., Kokubun R.* Sino-Japanese Relations: The Need for Conflict Prevention and Management. Newcastle upon Tyne, 2009. P. 45.

⁸ Ministry of Foreign Affairs of Japan. Speech by Prime Minister of Japan Junichiro Koizumi // URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0201/speech.html> (дата обращения: 10.11.2021).

⁹ *Саркисов К.О.* Восточноазиатское сообщество: центробежные и центростремительные силы (взгляд из Японии) // Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 2009. С. 184.

и 14 министров обороны. В среднем премьер-министры оставались на своей должности менее года, это время стали в шутку называть «вращающейся дверью» премьер-министров. При этом выдвигаемые Японией внешнеполитические концепции и стратегии менялись в этот период с той же частотой — инициативы выдвигались премьер-министрами в начале своего срока и теряли актуальность после их ухода в отставку¹⁰. Так, в 2006–2012 гг. Япония проводила восточноазиатскую политику в соответствии со следующими стратегиями и лозунгами: дипломатия ценностей, или Дуга свободы и процветания при Абэ (2006–2007 гг.); дипломатия синергии при Фукуде (2007–2008 гг.); Восточноазиатское сообщество при Хатояме (2009–2010 гг.); сетевая дипломатия при Ноде (2011–2012 гг.). Впрочем, все эти концепции могут быть классифицированы в соответствии с той ролью, которую в них играл Китай, — инсайдера или аутсайдера регионального порядка.

Как и Коидзуми, Абэ был неоконсерватором и принадлежал к ревизионистскому крылу ЛДП. Именно его настойчивость в проведении идеологизированной внешней политики и привела к тому, что японская региональная стратегия во время его премьерства оказалась неоднозначной и противоречивой. Если Коидзуми, несмотря на желание повысить престиж Японии на международной арене, был несвойственен оппортунизм, то Абэ в реализации своей ревизионистской политической повестки старался быть бескомпромиссным¹¹. Объяснялось это отчасти его происхождением — Абэ был внуком премьер-министра Киси (1957–1960 гг.), подписавшего договор о безопасности с США. Киси горячо поддерживал японо-американский союз и был крайне негативно настроен в отношении коммунистических Китая и СССР. Именно от него Абэ унаследовал восприятие Китая как авторитарного государства, которому нужно противостоять, а не искать примирения. Незадолго до избрания премьер-министром он выпустил ставшую бестселлером книгу «На пути к прекрасной стране», вся она пронизана желанием сделать Японию по-настоящему независимой страной, которая вольна преследовать свои национальные интересы. В речи в японском парламенте в январе 2007 г. Абэ уже в качестве премьер-министра обещал возврат к «прекрасной Японии» и призывал перейти к более «настойчивой» дипломатии, основанной на трех принципах: улучшение отношений с другими демократическими государствами; создание открытой и технологически развитой Восточной Азии; поддержка международной безопасности и стабильности¹².

Абэ во время первого премьерства, продлившегося лишь год, во внешней политике придерживался заданной Коидзуми траектории укрепления отношений с США и поиском Японией новых партнеров как в регионе, так и за его пределами. Правительство Абэ поддержало инициативы НАТО по развитию глобальных партнерств. Что касается АТР, то особое значение Абэ придавал расширению сотрудничества с Индией и Австралией. В ходе визита индийского премьер-министра Манмохана Сингха в Токио в декабре 2006 г. Япония и Индия договорились о повышении двусторонних отношений до статуса глобального стратегического партнерства, основанного на общих интересах и ценностях¹³. Новая конфигурация японо-индийских связей предполагала более тесную дипломатическую координацию относительно множества региональных и глобальных вопросов, а также

¹⁰ Jimbo K. Japanese Foreign Policy: 2006–2013, Responding to the Rise of China // URL: http://www.cidob.org/en/content/download/38407/600011/file/ARTICULO_KEN+JIMBO_ANGLES.pdf (дата обращения: 20.11.2021).

¹¹ Hughes Ch.W., Krauss E.S. US-Japan Alliance Futures: Koizumi's Legacy, Abe's Security Policies, US Challenges // Survival: The IISS Quarterly. 2007. № 49 (2). P. 173.

¹² Prime Minister of Japan and His Cabinet. Policy Speech by Prime Minister Shinzo Abe to the 166th Session of the Diet // URL: https://japan.kantei.go.jp/abespeech/2007/01/26speech_e.html (дата обращения: 22.11.2021).

¹³ Ministry of Foreign Affairs of Japan. Visit to Japan of His Excellency Dr. Manmohan Singh, Prime Minister of India (Summary) // URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/india/pmv0612.html> (дата обращения: 22.11.2021).

более глубокое сотрудничество в сферах экономики и безопасности. Укрепление отношений в сфере безопасности произошло и с Австралией, после того как Абэ и австралийский премьер-министр Джон Ховард подписали в марте 2007 г. совместную декларацию о сотрудничестве в области безопасности¹⁴. В документе подчеркивался стратегический характер японо-австралийских отношений, а общие ценности и интересы назывались их краеугольным камнем. Оба государства также намеревались усилить военно-политическое сотрудничество с США в рамках трехстороннего диалога по безопасности, который впервые прошел в 2002 г. Главным же результатом совместной декларации стало учреждение регулярных встреч в форме 2+2 между японскими и австралийскими министрами иностранных дел и обороны.

Кульминацией действий правительства Абэ по активизации политики в области безопасности стала трансформация трехстороннего диалога между США, Австралией и Японией до четырехстороннего с участием Индии. Именно Абэ впервые высказал идею укрепления военно-политических отношений на четырехсторонней основе, а вскоре его официально поддержал и вице-президент США Дик Чейни. Первая встреча представителей четырех государств в новом формате прошла в мае 2007 г. в Маниле, а уже в сентябре «четверка» провела совместные военно-морские учения в Бенгальском заливе.

Китай крайне настороженно воспринял создание «четверки»: мало того, что он не входил в сферу японской внешнеполитической стратегии, так его не пригласили и в новый региональный диалог по безопасности. Вскоре после встречи в Маниле Китай направил всем четырем государствам ноты протеста, в которых требовал объяснить суть четырехстороннего диалога, опасаясь, что речь идет о новом антикитайском союзе. Несмотря на неоднократные заверения со стороны Индии и Австралии, что заседания «четверки» отнюдь не было призвано послать Китаю подобный сигнал, а новый формат является не официальным союзом, а лишь партнерством государств, объединенных общими интересами в регионе, в Пекине продолжали рассматривать новую инициативу как попытку Японии и США с помощью двух других государств сдерживать рост Китая. И в Индии, и в Австралии нарастало опасение, что углубление четырехстороннего диалога рискует усилить напряжение в регионе и ухудшить отношения этих стран с Китаем, торговля с которым для них крайне важна¹⁵. В 2008 г. новый австралийский премьер-министр Кевин Радд заявил, что не станет участвовать в новой встрече «четверки», почитав, что стабильность экономических связей с Китаем важнее нового диалога по безопасности.

Внешняя политика Абэ по отношению к Китаю в первое его премьерство отличалась противоречивостью. После «ледникового периода» следовало вернуть японо-китайские отношения в рабочее русло. Поначалу Абэ демонстрировал прагматичность по отношению к Пекину, не позволяя личным взглядам влиять на государственную политику. Ему удалось избежать крупных потрясений в двусторонних отношениях, и он даже посетил Пекин в октябре 2006 г. — это был первый официальный визит японского лидера в Китай с 2001 г. Абэ также воздерживался от посещения святилища Ясукуни, хотя однажды отправил администрации святилища подарок, пытаясь таким образом соблюсти баланс между уважением чувств китайского правительства и демонстрацией японским избирателям своих правопатриотических убеждений.

В качестве советника по внешней политике Абэ выбрал Сётаро Яти, который консультировал по данным вопросам и Коидзуми. Его влияние на японскую дипломатию

¹⁴ Ministry of Foreign Affairs of Japan. Japan-Australia Joint Declaration on Security Cooperation // URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/australia/joint0703.html> (дата обращения: 22.11.2021).

¹⁵ Chellaney B. “Quad Initiative”: An Inharmonious Concert of Democracies // URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2007/07/19/commentary/quad-initiative-an-inharmonious-concert-of-democracies/> (дата обращения: 25.11.2021).

в 2006–2007 гг. было столь велико, что в чиновничьих кругах его нередко называли теневым министром иностранных дел¹⁶. Яти также был назначен главой отдела МИД по Китаю и Монголии и стал первым руководителем, не обладающим большим опытом работы на китайском направлении внешней политики и не придерживающимся прокитайской позиции. В то же время Яти понимал экономическую важность стабильных отношений с Пекином. Именно он предложил следовать формуле «взаимовыгодных отношений, основанных на общих стратегических интересах» между Японией и Китаем, которая должна была перезагрузить двусторонние связи, ее придерживались премьер-министры начиная с Абэ. Это способствовало некоторому улучшению японо-китайских отношений. Однако далеко не все стратегические интересы Японии и Китая действительно были общими. Так, хотя притязания Китая на Тайвань не противоречат японским интересам, Япония требует, чтобы Пекин в этом вопросе использовал исключительно дипломатические методы, а не военные. Кроме того, вне зависимости от состояния двусторонних отношений Китай воспринимает японо-американский союз как элемент сдерживания, а потому негативно рассматривает действия Японии по укреплению военно-политического сотрудничества с США¹⁷. Потепление японо-китайских отношений продлилось недолго, и уже к концу 2006 г. прагматизм премьер-министра Абэ сменился более идеологизированным внешнеполитическим курсом.

В ноябре 2006 г. министр иностранных дел Таро Асо объявил о создании новой стратегии под названием Дуга свободы и процветания, которая призвана была стать новым столпом японской дипломатии. За оформление новой стратегии были ответственны Сётаро Яти, а также Нобукацу Канэхара, еще одно доверенное лицо Абэ во внешнеполитических вопросах. Дуга свободы и процветания начиналась в Северной Европе, проходила через Центральную Европу, Ближний Восток и Индию, затем пересекала Юго-Восточную Азию и заканчивалась в Северо-Восточной Азии. С государствами вдоль этого вектора, разделяющими с Японией такие «универсальные ценности», как демократия, верховенство закона и права человека, и предлагалось укреплять сотрудничество и поддерживать связи путем предоставления официальной помощи в целях развития политики, направленной на экономическое содействие развивающимся странам. Данная инициатива заметно расширила географию японской внешней политики, уделив большее внимание государствам на внешнем поясе Евразии от стран АСЕАН до стран Центральной Азии и Восточной Европы.

В этой стратегии не нашлось места Китаю, который не входил в Дугу ни по географическим, ни по политическим параметрам. Этим она принципиально отличалась от идеи Восточноазиатского сообщества, которую предложил Коидзуми и позже активно продвигал премьер-министр Юкио Хатояма из Демократической партии Японии (ДПЯ). Если гипотетическое Восточноазиатское сообщество призвано было содействовать развитию взаимовыгодных отношений между странами региона независимо от их политического строя (хотя Коидзуми и подчеркивал сотрудничество с другими либеральными демократиями), Дуга свободы и процветания делала акцент на «дипломатии ценностей», т.е. улучшении отношений Японии именно с демократическими государствами, и являлась реакцией Токио на усиление Китая и его растущее влияние на международные отношения в Восточной Азии.

Несмотря на быстрое вхождение концепции Дуги свободы и процветания в японский дипломатический лексикон (включая «Синюю книгу по дипломатии» 2007 г.), Абэ не достиг успеха в ее популяризации. Попытки его правительства ускорить региональную

¹⁶ *Pugliese G.* Kantei Diplomacy? Japan's Hybrid Leadership in Foreign and Security Policy // *The Pacific Review*. 2017. № 29. P. 10.

¹⁷ *Takagi S.* Japan-China Relations: How to Build a “Strategic Relationship of Mutual Benefit”? // URL: <http://www.worldsecuritynetwork.com/Japan/Takagi-Seiichi/Japan-China-Relations-How-to-Build-a-Strategic-Relationship-of-Mutual-Benefit> (дата обращения: 23.11.2021).

интеграцию на основе общей идеологии провалились, поскольку двигателем интеграции были все же экономические интересы. По этой же причине данная идеологизированная стратегия не получила поддержки японского МИД — чиновники считали, что исключение Китая из дипломатических приоритетов Японии нанесет существенный урон японским экономическим интересам.

После ухода Абэ в отставку вследствие падающих рейтингов, коррупционных скандалов и проблем со здоровьем премьер-министром стал Ясуо Фукуда. Несмотря на то, что Фукуда в качестве советника по внешней политике вновь выбрал Яти, это не привело к возрождению стратегии Дуги свободы и процветания. Вместо дипломатии ценностей Фукуда придерживался более проазиатской внешней политики, базирующейся на японских экономических интересах. Хотя, новый премьер-министр принадлежал к той же фракции ЛДП, что и Коидзуми и Абэ, он не был сторонником идеологии неоконсерватизма и в большей степени стремился к углублению отношений с восточноазиатскими соседями Японии¹⁸. Его внешнеполитические идеи основывались на «синергии» Японии с США и Китаем, т.е. соблюдением в дипломатии Японии баланса между крепкими отношениями с США и активной политикой в Восточной Азии.

Впрочем, Фукуда уже через год, в сентябре 2008 г., сменил Таро Асо, служивший министром иностранных дел в кабинете Абэ. Хотя Асо так же, как Коидзуми и Абэ, являлся ревизионистом и «ястребом» в отношении Китая, его администрация не стала возвращаться к «дипломатии ценностей» и Дуге свободы и процветания. Впрочем, каких-либо иных инициатив Асо не успел предложить, поскольку к 2009 г. стало ясно, что ЛДП, скорее всего, проиграет на ближайших выборах, а потому правительство было занято исключительно внутренней политикой. Упоминания заслуживает речь Асо в мае 2009 г., в которой он поддержал дальнейшую интеграцию в АТР и создание Восточноазиатского сообщества во главе со странами АСЕАН.

На выборах в августе 2009 г. ЛДП проиграла оппозиционной ДПЯ, и новым премьер-министром стал председатель ДПЯ Юкио Хатояма. Стоит отметить, что в отличие от ЛДП, состоящей из относительно близких по своим взглядам фракций, в ДПЯ входили несколько слабо связанных между собой групп, которым были присущи идеологические разногласия. Исходя из их внешнеполитических взглядов условно ДПЯ можно разделить на четыре лагеря: немногочисленные реалисты, выступающие за крепкий союз с США и настороженно настроенные к Китаю; пацифисты, поддерживающие восточноазиатский регионализм и лишь минимальную роль Японии в обеспечении международной безопасности; центристы, придерживающиеся умеренных, прагматичных взглядов; и автономисты, выступающие за более независимую внешнюю политику Японии, которая бы не слишком опиралась на США и не вовлекалась в сферу влияния Китая¹⁹. Именно к последней группе и принадлежал Хатояма. Стоит отметить, однако, что другие члены ДПЯ считали Хатояму непредсказуемым в вопросах дипломатии, так как даже входившие в его ближний круг лица не имели четкого представления, какова будет его внешняя политика на посту премьер-министра²⁰.

В качестве альтернативы зависимости Японии от политики Вашингтона Хатояма и его единомышленники-автономисты предлагали концепцию Восточноазиатского сообщества, основанную на свободной торговле и историческом примирении Японии с жертвами ее военной агрессии в регионе. Хотя демократы признавали важность японо-

¹⁸ *Yamamoto Y.* Great powers, ASEAN, and Japan: the Fukuda doctrine and thirty-five years after // *Japan's Relations with Southeast Asia* / ed. Peng Er Lam. Milton Park; Abingdon; Oxon, 2013. P. 46.

¹⁹ *Konishi W.S.* From Rhetoric to Reality: Foreign-Policy Making under the Democratic Party of Japan // URL: <http://www.ifpa.org/pdf/fromRhetoricToReality.pdf> (дата обращения: 25.11.2021).

²⁰ *Uchida Ando Y.* What Went Wrong Under the DPJ? // *Looking for Leadership: The Dilemma of Political Leadership in Japan* / eds J. Gannon, R. Sahashi. Tokyo; New York, 2015. P. 122–123.

американского союза для национальной безопасности, они считали, что в условиях текущей международной обстановки, отмеченной мировым финансовым кризисом 2008 г., а также появлением новых, нетрадиционных угроз безопасности, союз с США уже не отвечает японским интересам в полной мере. Внешнеполитическая стратегия ДПЯ при Хатояме заключалась в отходе от односторонней ориентации Японии на США и укреплении отношений с восточноазиатскими соседями.

Выдвинутая премьер-министром идея Восточноазиатского сообщества была почти полным антиподом Дуги свободы и процветания Абэ; объединял их разве что акцент на диверсификации японской дипломатии. Если подход Абэ основывался на сильном союзе с США и отдавал приоритет развитию отношений с разделяющими японские ценности государствами на внешней границе Евразии, то Восточноазиатское сообщество в интерпретации Хатоямы строилось на азиатской идентичности Японии и укреплении связей с государствами региона вне зависимости от политического или экономического строя. Это шло вразрез не только со стратегией Абэ, но и с концепцией Восточноазиатского сообщества, представленной Коидзуми. Дуга являлась идеологизированной инициативой, которая, несмотря на расширение географии японской внешней политики, исключала из ее приоритетов Китай и оставалась американо-центричной, тогда как концепция Восточноазиатского сообщества, напротив, придавала улучшению отношений с Китаем беспрецедентное значение. Антиамериканизм был ключевой частью политической философии нового премьер-министра, его выражал лозунг «независимость от США» (тайбэй дзирицу). Он используется как левыми, так и правыми японскими политиками, считающими, что Япония слишком сильно полагается на Америку в вопросах безопасности. Хатояма призывал к поиску общих интересов с Китаем и преодолению взаимного недоверия, а также достижению мира в Восточной Азии — новой оси японской дипломатии — путем региональной интеграции и уважения к политическим и экономическим особенностям государств²¹.

Впрочем, альтернативная внешнеполитическая стратегия Хатоямы снискала еще меньший успех, чем Дуга свободы и процветания, и не нашла отклика у государств АТР. Главной причиной тому стал слишком разнородный характер стран региона как с политико-экономической, так и с культурной точки зрения: от постиндустриальных стран (Япония, «Азиатские тигры») до стремительно развивающихся Индии и Китая, от коммунистических диктатур до либеральных демократий. Между странами Восточной Азии было слишком много различий и недостаточно культурной общности. Призывы Хатоямы к построению «братских» отношений оказались слишком идеалистичными для региона, полного нерешенных территориальных конфликтов, в большинстве которых участвует Китай. Так, вдобавок к островам Сэнкаку продолжается спор вокруг Парасельских островов, на которые претендуют Китай, Вьетнам и Тайвань, а также островов Спратли, чью принадлежность оспаривают Китай, Вьетнам, Филиппины, Тайвань, Малайзия, Индонезия и Бруней. Эти страны ожидали от Японии обещаний по обеспечению безопасности в водах Восточной Азии и свободы судоходства, а не обтекаемой риторики о взаимопонимании и историческом примирении.

Для стран региона было крайне важно надежное лидерство США в Восточной Азии, поскольку, несмотря на близкие экономические связи большинства региональных держав с Пекином, продолжающаяся гегемония США являлась для них предпочтительнее потенциального господства Китая²². Несвоевременность идей Хатоямы подтверждала и азиатско-тихоокеанская политика администрации Барака Обамы, выдвинувшей

²¹ *Hatoyama Y.* A New Path for Japan // URL: <https://www.nytimes.com/2009/08/27/opinion/27iht-edhatoyama.html?> (дата обращения: 22.11.2021).

²² *Sahashi R.* The DPJ Government's Failed Foreign Policy: A Case of Politician-led Government Gone Wrong // Looking for Leadership: The Dilemma of Political Leadership in Japan / eds J. Gannon, R. Sahashi. Tokyo; New York, 2015. P. 143.

лозунг «перебалансировки в Азию». В 2009 г., еще до победы ДПЯ на выборах, Обама назвал себя «первым тихоокеанским президентом» Америки и заявил, что союз с Японией укрепит лидерство США в регионе. Если Обама обещал повышение военного присутствия США в Восточной Азии, развитие экономических связей и активизацию дипломатических контактов, то Хатояма, напротив, отвергал значимость США для своего Восточноазиатского сообщества, говорил о закате американского могущества и призывал улучшать отношения с поднимающимся Китаем. Страны Восточной Азии сделали выбор не в пользу инициативы нового японского премьер-министра. К середине 2010 г. Хатояма, вероятно, и сам понял бесперспективность своей идеи Восточноазиатского сообщества и отказался от краткосрочных планов по ее реализации в силу кризиса в отношениях с США и усиления напряженности в регионе.

В Вашингтоне заявления Хатоямы о построении японо-американских связей на независимой, равноправной основе и укреплении отношений с Китаем воспринимались по меньшей мере с недоумением. С точки зрения японского истеблишмента риторика нового премьер-министра была нетрадиционной и прямолинейной. Положение усугублялось тем, что Хатояма в проведении своей внешнеполитической линии ориентировался в большей степени на свои личные взгляды, а не на достигнутый консенсус с другими членами ДПЯ. В результате чего его правительство (куда входили и такие проамериканские «ястребы», как Сэйдзи Маэхара) нередко делало противоречащие друг другу заявления и в целом отличалось отсутствием сплоченности²³.

Камнем преткновения между Токио и Вашингтоном стал вопрос перемещения американской военно-воздушной базы Фуэтэмма на Окинаве. Стоит отметить, что, хотя администрация Обамы убеждала Китай, что она не заинтересована в его сдерживании, и стремилась выстроить двусторонние связи на основе сотрудничества, в американо-китайских отношениях сохранялась конфронтация. Из-за этого США были заинтересованы в сохранении крепкого японо-американского союза, ключевой элемент которого — военные базы США на Окинаве.

В 2006 г. Япония и США приняли «дорожную карту» о передислокации базы в пределах Окинавы — из города Гинован в город Наго. Однако Хатояма еще в ходе предвыборной кампании обещал, что добьется перемещения базы как минимум за пределы Окинавы, а в лучшем случае — из Японии. Это намерение прямо противоречило существующей договоренности между двумя странами, а потому вызвало в США крайне негативную реакцию, которая побудила администрацию Обамы воспринимать и другие внешнеполитические инициативы Хатоямы с неодобрением.

О нереалистичности планов создания Восточноазиатского сообщества, предложенных Хатоямой, свидетельствовали и рост напряженности в регионе после того, как в марте 2010 г. южнокорейский корабль «Чхонан» был потоплен северокорейской торпедой. После этого инцидента Хатояма, по его собственному признанию, стал лучше понимать ценность союза с США и присутствия американских войск на Окинаве, поэтому его правительство сосредоточилось на восстановлении отношений с Вашингтоном²⁴. Изменилась и официальная риторика — Япония, например, стала призывать Китай к проведению более ответственной внешней политики, тогда как Восточноазиатское сообщество начало трактоваться как долгосрочный план, не входящий в непосредственные приоритеты правительства. В Японии нарастало ощущение китайской угрозы как с военной точки зрения, так и с экономической — в 2010 г. Китай обошел Японию по объему ВВП и стал второй экономикой мира. Правительство Хатоямы стремительно теряло общественную поддержку в связи с невыполнением предвыборных обещаний,

²³ *Shinoda T.* Contemporary Japanese Politics: Institutional Changes and Power Shifts. New York, 2013.

²⁴ *Hosoya Y.* The Rise and Fall of Japan's Grand Strategy: "The Arc of Freedom and Prosperity" and the Future Asian Order // *Asia-Pacific Review*. 2011. № 18 (1). P. 20.

и на фоне кризиса в японо-американских отношениях в мае 2010 г. премьер-министр ушел в отставку.

На премьерство двух последующих японских лидеров из ДПЯ, Наото Кана и Ёсихико Ноды, которые продержались на посту по одному году, пришел следующий цикл конфликта с Китаем, спровоцированный сначала столкновением китайского рыболовного судна с кораблем береговой охраны Японии в водах вокруг островов Сэнкаку в сентябре 2010 г., а затем обострением спора об островах в сентябре 2012 г. Все это способствовало усилению в Японии чувства «китайской угрозы» и обусловило сближение с США. Реакция Токио на столкновение японского и китайского кораблей была жесткой, что подчеркивало перемену во взглядах ДПЯ относительно Китая: если в прошлом японское правительство быстро отпускало задержанных китайских граждан, то на этот раз капитан китайского рыболовного судна провел под арестом две недели и был отпущен лишь по решению генерального секретаря кабинета министров Ёсито Сэнгоку, известного своими прокитайскими взглядами. Следует отметить, что японская общественность и СМИ даже раскритиковали правительство ДПЯ за слишком сдержанную реакцию, что говорит о формировании более негативного мнения о Китае и вне политических кругов Японии – за год (2009–2010 гг.) положительное восприятие Китая среди японского населения упало с 38,5% до 20%²⁵.

В результате в Китае прошли масштабные антияпонские протесты, а китайское правительство вновь выдвинуло свои претензии на острова Сэнкаку (Япония при этом вообще отрицала наличие какого-либо территориального конфликта). Данный инцидент примечателен тем, что Китай впервые в конфликте с Японией подключил экономическое давление, запретив экспорт редкоземельных минералов. Вместе с этим, начиная с сентября 2010 г., резко участились случаи вхождения китайских судов в территориальные воды Японии, а также маневров китайских истребителей над Восточно-Китайским морем²⁶.

Надо отдать должное премьер-министру Ноды, проводившему так называемую сетевую дипломатию в Восточной Азии. Ее итогами стали соглашение о стратегическом партнерстве с Филиппинами, а также укрепление сотрудничества со странами АСЕАН в области морской безопасности, нацеленные на коллективное противодействие растущему влиянию Китая. Будучи консервативом, Нода отвергал Восточноазиатское сообщество Хатоямы, выступал за усиление союза с США и подходил к политике в области безопасности с большей серьезностью, чем оба его предшественника.

В сентябре 2012 г. двусторонние отношения омрачил очередной конфликт вокруг островов Сэнкаку. В апреле 2012 г. ультраправый губернатор Токио Синтаро Исихара объявил, что токийское правительство собирается выкупить три из восьми спорных островов у частного владельца. Опасаясь, что после покупки Исихара начнет на островах строительство, провоцируя таким образом Китай, правительство ДПЯ во главе с Ёсихико Нодой решило опередить его, национализировав в сентябре эти три острова. Несмотря на то, что все эти месяцы японское правительство вело с Пекином переговоры, пытаясь достичь понимания, Китай настаивал, чтобы острова оставались в частном владении. Национализация вызвала волну протеста в Китае, сопровождавшуюся масштабной порчей имущества японских компаний и бойкотом японских товаров. Одновременно Пекин резко увеличил число судов, заходящих в воды островов Сэнкаку, а в декабре китайский истребитель нарушил воздушное пространство Японии впервые с 1958 г. Подобная эскалация со стороны Китая свидетельствует о нежелании президента Си Цзиньпина решать территориальный спор дипломатическими методами. Пекин рассчитывал, что низкая популярность Ноды вынудит его вскоре уйти в отставку²⁷.

²⁵ Jimbo K. Op. cit.

²⁶ Koga K. The Rise of China and Japan's Balancing Strategy: Critical Junctures and Policy Shifts in the 2010s // Journal of Contemporary China. 2016. № 25 (101). P. 787.

²⁷ Drifte R. The Japan-China Confrontation Over the Senkaku/Diaoyu Islands – Between “Shelving” and “Dispute Escalation” // Japan Focus. 2014. № 12 (30). P. 1.

Нода действительно покинул пост премьер-министра после поражения ДПЯ на выборах в декабре 2012 г. К моменту возвращения Абэ на пост премьер-министра в результате победы ЛДП на выборах 2012 г. Япония придерживалась традиционно проамериканской внешней политики, не пыталась восстановить резко ухудшившиеся связи с Китаем и продолжала искать новых партнеров в АТР.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что в первое десятилетие XXI в. политика Японии в Восточной Азии претерпела существенные изменения, а стратегические векторы во внешней политике Токио в отношении данного региона менялись так же часто, как и предлагавшие их премьер-министры. Тем не менее Восточноазиатское сообщество и Дуга свободы и процветания стали наиболее заметными дипломатическими инициативами Японии в это время. Обе стратегии были направлены на углубление сотрудничества Японии со странами региона, однако основаны на двух противоположных подходах к роли Китая — если Восточноазиатское сообщество в трактовке как Коидзуми, так и Хатоямы базировалось на восприятии Китая как важного экономического партнера Японии, то Дуга свободы и процветания Абэ делала акцент на создание в регионе коалиции демократических государств, из которой Китай был исключен. При этом, если Восточноазиатское сообщество во главу угла ставило экономические интересы, то Дуга свободы и процветания отдавала приоритет общим ценностям. Значительную роль в продвижении обеих стратегий играли и личные взгляды премьер-министров: Абэ был антикитайским неоконсерватором, а потому и исключал Китай из своей стратегии, тогда как обладавший антиамериканскими воззрениями Хатояма выступал за более независимую от США внешнюю политику и сближение с Китаем. Примечательно, что и Дуга свободы и процветания, и Восточноазиатское сообщество в большей степени отражали взгляды конкретно Абэ и Хатоямы, а не их партий в целом, а после их ухода с поста премьер-министра их преемники (соответственно Фукуда и Кан) отказывались от дальнейших попыток реализации данных стратегий.

Тот факт, что ни та ни другая стратегия не имела особого успеха, объяснялся статусом японо-китайских отношений. Если Дугу свободы и процветания в Японии сочли чересчур антикитайской, что наносило ущерб японским экономическим интересам, то реализация Восточноазиатского сообщества стала невозможной в связи с резким ухудшением двусторонних японо-китайских отношений как при Коидзуми в 2001–2006 гг., так и при Кане и Ноде в 2010–2012 гг. Идея Восточноазиатского сообщества все же не стала привлекательной для японского общества, а вот Дуга свободы и процветания нашла своих сторонников во время второго премьерства Абэ и в конце концов была возрождена в измененном виде как концепция Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона.

Библиография / References

Саркисов К.О. Восточноазиатское сообщество: центробежные и центростремительные силы (взгляд из Японии) // Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 2009. С. 160–177.

Стрельцов Д.В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 2015.

Sarkisov K.O. Vostochnoaziatskoe soobshhestvo: centrobezhnye i centrostremi-tel'nye sily (vzglyad iz Japonii) [The East Asian Community: centrifugal and centripetal forces (a view from Japan)] // Japonija v Aziatsko-Tihookeanskom regione [Japan in the Asia-Pacific region]. Moskva, 2009. S. 160–177. (In Russ.)

Streltsov D.V. Vneshnepoliticheskie prioritety Japonii v Aziatsko-Tihookeanskom regione [Japan's foreign policy priorities in the Asia-Pacific region]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Мамото Июкибэ. Нихон гайко: годзю нэн (Пятьдесят лет японской дипломатии) // Кокусай мондай (Международные проблемы). № 500. С. 4–36.

Makoto Iokibe. Nihon gaikō gojū nen [Fifty years of Japanese diplomacy] // Kokusai mondai [International issues]. № 500. P. 4–36. (In Japan)

Chellaney B. “Quad Initiative”: An Inharmonious Concert of Democracies // URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2007/07/19/commentary/quad-initiative-an-inharmonious-concert-of-democracies/> (access date: 25.11.2021).

Drifte R. The Japan-China Confrontation Over the Senkaku/Diaoyu Islands – Between “Shelving” and “Dispute Escalation” // Japan Focus. 2014. № 12 (30). P. 1–61.

Hosoya Y. The Rise and Fall of Japan’s Grand Strategy: “The Arc of Freedom and Prosperity” and the Future Asian Order // Asia-Pacific Review. 2011. № 18 (1). P. 13–24.

Hosoya Y. Japan’s Two Strategies for East Asia: The Evolution of Japan’s Diplomatic Strategy // Asia-Pacific Review. 2013. № 20 (2). P. 146–156.

Hughes Ch.W., Krauss E.S. US-Japan Alliance Futures: Koizumi’s Legacy, Abe’s Security Policies, US Challenges // Survival: The IISS Quarterly. 2007. № 49 (2). P. 157–176.

Jimbo K. Japanese Foreign Policy: 2006–2013, Responding to the Rise of China // URL: http://www.cidob.org/en/content/download/38407/600011/file/ARTICULO_KEN+JIMBO_ANGLES.pdf (access date: 20.11.2021).

Koga K. The Rise of China and Japan’s Balancing Strategy: Critical Junctures and Policy Shifts in the 2010s // Journal of Contemporary China. 2016. № 25 (10). P. 777–791.

Konishi W.S. From Rhetoric to Reality: Foreign-Policy Making under the Democratic Party of Japan // URL: <http://www.ifpa.org/pdf/fromRhetoricToReality.pdf> (access date: 25.11.2021).

Pugliese G. Kantei Diplomacy? Japan’s Hybrid Leadership in Foreign and Security Policy // The Pacific Review. 2017. № 29. P. 1–17.

Sahashi R. The DPJ Government’s Failed Foreign Policy: A Case of Politician-led Government Gone Wrong // Looking for Leadership: The Dilemma of Political Leadership in Japan / eds J. Gannon, R. Sahashi. Tokyo; New York, 2015. P. 131–159.

Samuels R. Securing Japan: Tokyo’s Grand Strategy and the Future of East Asia. New York, 2007.

Swanström N., Kokubun R. Sino-Japanese Relations: The Need for Conflict Prevention and Management. Newcastle upon Tyne, 2009.

Shinoda T. Contemporary Japanese Politics: Institutional Changes and Power Shifts. New York, 2013.

Takagi S. Japan-China Relations: How to Build a “Strategic Relationship of Mutual Benefit”? // URL: <http://www.worldsecuritynetwork.com/Japan/Takagi-Seiichiro/Japan-China-Relations-How-to-Build-a-Strategic-Relationship-of-Mutual-Benefit> (access date: 23.11.2021).

Takahashi T. Japanese neoconservatism: Coping with China and North Korea // Security Challenges. 2010. № 6 (3). P. 21–40.

Uchida Ando Y. What Went Wrong Under the DPJ? // Looking for Leadership: The Dilemma of Political Leadership in Japan / eds J. Gannon, R. Sahashi. Tokyo; New York, 2015. P. 108–131.

Yamamoto Y. Great powers, ASEAN, and Japan: the Fukuda doctrine and thirty-five years after // Japan’s Relations with Southeast Asia / ed. Peng Er Lam. Milton Park; Abingdon; Oxon, 2013. P. 35–52.